

И.П. ПОПОВА

ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: КЛЮЧИ К РАЗВИТИЮ¹

Проблематика развития потенциала России — человеческого, социально-трудового, интеллектуального, инновационного — активно набирает исследовательский опыт. Среди работ, пополнивших его, — книга экономиста И. Соболевой «Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития» [1]. Интерес к ней вызван особой ролью этого опыта в формировании моделей социального и экономического развития страны. Следует отметить ряд обстоятельств, складывающихся в исследовании указанной проблематики.

Прежде всего, выделяются два основных направления. Одно включает работы по построению системы индикаторов различных потенциалов и развивается с начала 1990-х годов главным образом под эгидой Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). В его задачу входит измерение человеческого потенциала с целью сравнения показателей развития стран и определения тенденций социально-экономической политики². Авторы другой группы сосредоточены на

Попова Ирина Петровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. **Телефон:** 8(499)120–10–50. **Электронная почта:** popova-book@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Интеллектуальный потенциал развития социально-профессиональной структуры российского общества: состояние, проблемы, тенденции» (грант РФФИ № 06–06–80529).

² Индекс развития человеческого потенциала предложен для сравнительного расчета в 1990 г. и основан на комбинации показателей продолжительности жизни, образования и дохода со значениями в границах от 0 до 1. Согласно данным доклада 2007 г., публикуемым на сайте ПРООН, этот показатель для России изменялся следующим образом: с 0,815 в 1990 г. он упал до 0,771 в 1995 г. и затем вырос до 0,782 в 2005-м, что позволило России войти в первую группу стран (high human development). Наша страна заняла 67 место (из 70 в этой категории с Исландией и Норвегией в первых строках), обогнав Македонию, Албанию и Бразилию и уступив трем ближайшим в рейтинге — Боснии и Герцеговине, Маврикию и Беларуси. Данные по отдельным показателям человеческого потенциала в России противоречивы. Так, показатель возможности не дожить до 60 лет при рождении в когорте у нас в 2000–2005 гг. был самым высоким в группе стран ОЭСР, Центральной и Восточной Европы — 32,4% (для сравнения — 5,9% в Исландии, 11,6% — в США, 17,9% — в Венгрии, 24,8% — в Беларуси). Традиционно высокие показатели грамотности и образования, при этом показатели технологического развития страны не выглядят передовыми. Так, в исследовательском секторе (Research & Development) численность исследователей в 1990–2005 гг. составляла 3315 на 1 млн. человек (в Исландии этот показатель — 6807 чел., в США — 4605, в Венгрии — 1472), количество пользователей Интернета составляло на 1 тыс. человек

анализе структуры и факторов развития потенциалов, с тем чтобы иметь более глубокое представление о качестве и возможностях их реализации и воспроизводства. Обозначенные направления связаны между собой: системы индикаторов бессмысленны без их концептуального обоснования; концепции же теряют значительную долю своей ценности без возможности проверки исследуемых тенденций на количественных данных.

Следующая важная черта исследований — осмысление взаимосвязи и взаимовлияния различных потенциалов, прежде всего человеческого, социально-трудового, интеллектуального. К настоящему времени сложилось представление об этой взаимосвязи: человеческий потенциал включает трудовой и интеллектуальный как составные части, в свою очередь последние нередко выделяются в качестве самостоятельных объектов исследований. Сходство потенциалов рождает принципиально общие подходы к определению их структуры и поиску путей развития, а различия ведут к детализации концептуальных схем анализа в целях разработки моделей социальных механизмов, которые могут быть эффективными именно в данной сфере.

И еще одна важная характеристика накапливаемого исследовательского опыта — его междисциплинарность. Это особенно отличает исследования человеческого потенциала, концепция которого включает практически все значимые сферы жизни общества и, соответственно, требует привлечения разных подходов, выработанных в экономике, социологии, психологии, демографии, регионологии и т. д. Социологи, осваивающие это комплексное направление, должны, с одной стороны, определить свое место в нем, а, с другой, принимать во внимание и, возможно, адаптировать подходы других дисциплин. В частности экономики, достаточно близкой по своему концептуальному инструментарию. В силу данного обстоятельства рассматриваемая книга представляет интерес для социологов. Близок социологам-исследователям и основной посыл автора — внести коррективы в социальную политику, точнее, в теоретические установки, которые определяли ее на протяжении 1990-х годов и привели к истощению человеческого потенциала страны.

Этот посыл открывает введение, где сформулирована идея необходимости перехода от «человекоутилизирующей» парадигмы общественного воспроизводства, основанной на принятом в неоклассическом

152 чел. (Исландия — 869, США — 630, Венгрия — 297, Беларусь — 374 чел.) (см.: Human development index: <<http://hdr.undp.org/en/statistics/data>>). Нашу страну отличает весьма неравномерные тенденции роста человеческого потенциала в различных регионах (см.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2006/2007. Регионы России: цели, проблемы, достижения [online]. URL: <<http://www.undp.ru/index.phtml?iso=RU&lid=2&cmd=publications1&id=4>>)

анализе ресурсном подходе к человеку, к «новым подходам, ориентированным непосредственно на человека» (с. 3)³. Указанные подходы — результат закономерных процессов, развивающихся в мире с середины прошлого века под влиянием новых факторов экономического роста, нового типа занятости, по сути, нового этапа социально-экономического развития. Осмысление этих процессов привело к необходимости изменить отношение к качеству рабочей силы, условиям ее воспроизводства и реализации и стимулировало исследования, сфокусированные на субъективном (человеческом) факторе производства как основе экономического развития. У нас это были исследования человеческого фактора/человеческих ресурсов, которые вылились в концепцию социально-трудового потенциала, в западной экономике — теория человеческого капитала, которая с 1960-х годов развивалась в рамках неоклассической экономической парадигмы как методологическая база анализа процессов воспроизводства человеческого потенциала.

Как констатируют многие исследователи, концепция человеческого потенциала по-прежнему в стадии формирования. В данное понятие принято включать практически все аспекты жизни общества — демографический, экономический, здоровье населения, социальную сферу и т. д. Такая широта во многом — следствие его «политического» происхождения. Поэтому, на наш взгляд, особенно важна дальнейшая глубокая разработка инструментария анализа человеческого потенциала, такие представления о целях этого анализа для социальной политики, которые обращали бы внимание не на отдельные, пусть даже исключительно важные компоненты, а на их целостность, стратегические направления сбалансированного развития (см. [2, с. 16]).

И. Соболева рассматривает концепцию человеческого потенциала как теоретическую базу выработки социально-экономической политики, способной эффективно служить его воспроизводству и в целом адекватной современным вызовам постиндустриальной экономики. Человеческий потенциал понимается широко, включая физическое и нравственное здоровье, сферу профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, а также уровень и структуру потребностей (с. 12). В то же время автор определяет более узкое предметное поле данного концепта, заданное экономическим ракурсом видения проблемы, и анализирует главным образом сферы трудовой деятельности и потребления, оставив прочие аспекты другим наукам. Концептуальными инструментами исследования стали теория человеческого капитала, различные

³ Здесь и далее указаны страницы книги И. Соболевой.

подходы к исследованию потребления, потребностей, социального ресурса (социального капитала).

Соотнесение теорий человеческого капитала и человеческого потенциала автор называет ключевым моментом в методологической части своего исследования. Сегодня теория человеческого капитала — разветвленное и сложное исследовательское направление не только экономических, но и социологических исследований, в котором выделились узкий и расширительный подходы к самому понятию (см. об этом, например, в: [4]). В рамках последнего из них оба анализируемых понятия (человеческий капитал и человеческий потенциал) нередко заменяют друг друга. Автор рассматривает сложившиеся подходы, преследуя цель более строгого определения понятия «человеческий капитал» и выяснения степени его пригодности, возможностей и ограничений в анализе человеческого потенциала. Для нее важно не смешивать эти понятия и «выделить» их собственные предметные области. В методологическом плане воспроизводство потенциала касается более широкой сферы социально-экономических отношений, а не только рыночной, которая ассоциируется с термином «капитал». Поэтому, обращаясь к значению понятия «человеческий капитал», Соболева подчеркивает его основной смысл — включать в себя сущностные признаки капитала, которые связаны, прежде всего, с инвестициями, производимыми в расчете на получение дохода. При таком подходе индивидуальный трудовой/человеческий потенциал представляет собой частный случай капитала, который накапливается в процессе получения образования и трудовых навыков и нацелен на получение отдачи на произведенные затраты (инвестиции), главным образом в виде более высоких заработков. Отсюда следует главное ограничение теории в анализе формирования человеческого потенциала: она работает для рыночного сектора экономики. Этот сектор, согласно неоклассическому подходу в экономике, отождествляется с «экономическим» вообще. В реальности, утверждает автор, это далеко не так: в поле воспроизводственных процессов стремительно расширяются области нерыночного и нематериального (с. 22), играющие не менее важную роль — государственный, некоммерческий, семейный секторы. Кроме того, хорошо известно, что поведение индивидов далеко не всегда рационально и оптимально и регулируется иными мотивами, чем получение непосредственной выгоды, тем более в сфере образования.

На наш взгляд, важная сторона разграничения и соотношения понятий «потенциал» и «капитал» раскрывается через метафоры возможностей, с одной стороны, и результата их реализации, — с другой. Переход одного в другое — предмет особого внимания (как складывается этот переход, что определяет его эффективность и ограничения, и

т. д.), и важность этого процесса имеет далеко не отвлеченный смысл. При этом необходимо иметь в виду, что если «потенциал» (человеческий, трудовой, интеллектуальный) — это характеристика всей совокупности индивидов в обществе или в его подсистемах/сферах (население в целом, работающее население или население, занятое интеллектуальной/инновационной деятельностью), не сводимая к индивидуальным характеристикам, то капитал скорее характеристика субъектов рыночных отношений (как правило, предприятий, организаций, иногда отдельных индивидов). Целесообразность соотнесения этих понятий зависит от целей анализа. Часто встречающиеся пары понятий «человеческий потенциал — человеческий капитал», «интеллектуальный потенциал — интеллектуальный капитал» не всегда достаточно обоснованы, поскольку в предметном поле этих понятий существует много различий. Так, человеческий потенциал включает в себя широкий ряд измерений, а понятие «человеческий капитал» изначально формировалось как запас знаний, навыков и умений, приносящих доход в процессе их использования. В теории интеллектуального капитала (в ее классическом — организационном варианте, разработывавшемся в 1980-е годы) человеческий капитал входит лишь составной частью в структуру интеллектуального капитала. Формулой последнего является сложение человеческого и структурного капиталов (под последним понимается главным образом технико-информационная и организационная структура деятельности современных так называемых интеллектуальных компаний) [1, 7, 8]. В таком подходе человеческий капитал соотносим скорее с интеллектуальным потенциалом (который, в свою очередь, чаще всего рассматривается как часть человеческого потенциала). Если видеть в последнем *совокупность знаний и умений работников, занятых в отраслях и секторах экономики, где применяется интеллектуальный труд*⁴, то человеческий капитал представляет собой лишь один из аспектов его реализации — инвестиции в получение этих знаний и умений и их результаты.

Анализируя соотношение понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал», И. Соболева подчеркивает: «...за стоимостной формой человеческого капитала стоит не человеческий потенциал экономики, а лишь трудовой потенциал» (с. 25). Из поля зрения теории человеческого капитала при «узком» подходе выпадают многие характеристики воспроизводства человеческого потенциала, прежде всего, выходящие за пределы рыночных отношений. Возможно, ограниченностью этого подхода объясняется продолжающееся расширение объема понятия «человеческий капитал» (в первую очередь

⁴ Следует пояснить, что это авторская позиция, обосновывающая соотнесение интеллектуального потенциала и профессиональной структуры [5].

в социологии), которое стремится учесть более широкий спектр «инвестиций в человека» [3, с. 20] и, соответственно, приближает его к предметному полю человеческого потенциала.

Что определяет возможности развития понятия «человеческий потенциал»? В современных теориях, рассматривающих экономическое развитие в связи с развитием человека, центральное место занимает проблематика потребностей и потребления. Структура и качество потребления, тенденции развития потребностей включены в механизм экономического роста и конкурентоспособности государства. Их роль по отношению к человеческому потенциалу в плане воспроизводственных процессов — определять уровень производства и качество воспроизводства человека как главной производительной силы (что опять-таки соотносит его с социально-трудовым потенциалом) (с. 27). Поэтому при обращении к этому комплексу проблем центральными пунктами авторского внимания стали структура и направления развития потребностей, возможности их удовлетворения; роль нематериальных благ в этой структуре, соотношение экономической эффективности и социальной справедливости в перераспределении, влияние инвестиций в человека на экономический рост. Автор стремится включить в свой анализ широкий круг подходов, показывая возможности преодоления ограничений рыночно ориентированного неоклассического подхода, необходимость чего продиктована потребностями постиндустриального этапа развития. В частности, она фокусирует внимание на двух взаимосвязанных аспектах преодоляемых этих ограничений.

Один из них связан с изменением структуры потребностей и влияющими на нее факторами. Концентрирование на материальных благах, характерное для экономической теории, игнорирует тот факт, что в постиндустриальном обществе растет значимость и дифференциация благ нематериальных, связанных со здоровьем, образованием, безопасностью, получением информации и др. Это заставляет по-новому рассмотреть утверждение неоклассической теории об ограниченности ресурсов как факторе, влияющем на структуру производства и потребления. На смену ему приходят представления о мультиплицированной доступности нематериальных благ, что связано с возможностью их многократного использования для удовлетворения потребностей разных людей. Отсюда, как подчеркивает автор, — проблема уже не производства благ, а социально-экономических механизмов и соответствующих институтов доступа к потреблению.

Другой круг вопросов касается влияния структуры потребностей и их удовлетворения на экономический рост и его качество. Автор напрямую связывает сложившуюся в обществе систему потребностей с уровнем развития человеческого потенциала и ставит вопрос о поиске способов ее формирования и развития. Здесь следует выделить

проблему перспективных инновационных потребностей и благ, их удовлетворяющих (прежде всего нематериальных), как источника качественных инновационных сдвигов. Суть проблемы заключается в том, что такого рода потребности способны стать в центре всей системы потребностей и организовать ее как основу для формирования качественных ориентиров развития общества, определения вектора экономического развития. Здесь в структуре человеческого потенциала обозначается место, которое занимает потенциал интеллектуальный. Складывающийся механизм его встраивания в воспроизводственный процесс включает творческую деятельность «интеллектуальной рабочей силы» и поиски путей «нащупывания», выявления и удовлетворения инновационных, перспективных потребностей не столько рыночными, сколько нерыночными методами (с. 36). По мнению автора, решение этой задачи — важное условие роста конкурентоспособности на глобальных рынках.

Не менее важны вопросы, связанные с распределением и социальной справедливостью. Они имеют прямое отношение к проблемам качества экономического роста, его внутренних источников и эффективности. Эволюция теоретических взглядов на эту сферу противоречива. Вопрос о значении и механизмах перераспределения обсуждается, начиная с середины прошлого века; на протяжении этого периода он решался по-разному, под достаточно сильным политическим влиянием. Сегодня получает распространение подход, согласно которому более справедливое распределение собственности и доходов благоприятно влияет на темпы экономического роста, придавая ему дополнительные стимулы. Такая позиция заставляет, как подчеркивает автор, сосредоточить внимание не на проблеме низких доходов, а на базовых свободах людей и развитии качества жизни (А. Сен). Данный подход, по ее мнению, должен определять базовые приоритеты социально-экономической политики России в отношении ее человеческого потенциала, способные вывести страну из порочного круга: высокие темпы роста (связанные с конъюнктурой нефтегазовых рынков) — низкое качество жизни большинства населения.

Еще один важный аспект воспроизводственных процессов, определяющий качество развития человеческого потенциала, к которому обращается И. Соболева, связан с понятием социального капитала общества. Это понятие можно назвать междисциплинарным и более распространенным в социологии, чем в экономике. Тем более интересен взгляд на него экономиста. По мнению автора, понятие социального капитала расплывчато и неточно, но отражает важное явление — качество социальной среды, необходимое для нормальных воспроизводственных процессов, и потому заслуживает особого внимания. В фокусе этого внимания — такие составляющие социального капитала, как доверие, ценностные установки и социальные сети (социальные связи).

Анализируя причины возникновения понятия «социальный капитал», автор связывает их с кризисом теоретических и практических подходов к объяснению социально-экономических процессов (в частности, несостоятельностью в этом отношении принципа методологического индивидуализма) и формированием новых концепций социальной политики. «Социальный капитал» в строгом смысле не является *капиталом*, поскольку не отвечает основным критериям последнего; этот тип «капитала» не может быть присвоен отдельным человеком, в него не инвестируют, он не приносит доходов (самовозрастающей стоимости), кроме того, по своим характеристикам он приближается к нематериальному благу. Обращая внимание на неточности, допускаемые некоторыми социологами при интерпретации понятия «социальный капитал» (в частности, в отношении возможности его индивидуального присвоения) (с. 50), И. Соболева относит его к плеяде «метафорических капиталов». Такая метафоричность имеет смысл, поскольку является попыткой встраивания понятия в контекст экономической теории и привлечения внимания экономистов к «более глубоким пластам исследования современной экономики» (с. 54).

Принятие или непринятие концепции социального капитала в экономической теории в значительной степени объясняется стремлением исследователя либо остаться в русле рыночных представлений, либо выйти за его пределы, признав возрастающую роль социальных ресурсов общества (с. 52). С этим связаны особенности использования концепции в неоинституционализме, неоклассическом, а также в социоэкономическом направлениях. Последнее ближе всего к социологическому взгляду на социальный капитал, учитывающему полный контекст социально-экономических отношений.

Для фиксации явления, которое обозначается концептом «социальный капитал» и которое невозможно игнорировать в анализе социальных процессов, И. Соболева предлагает понятие «социальный ресурс». И дальнейший анализ показывает обоснованность этого утверждения, его встроенность в подход автора к исследованию развития человеческого потенциала.

Эти пути могут быть различными по социальным эффектам. С точки зрения социоэкономического подхода, социальный капитал может играть не только позитивную, но и негативную роль. Это определяется характером сетей, в которых он создается. Очевидно, что в случае, если это кланы, мафия, коррумпированная корпорация, социальный эффект будет негативным. Весьма опасной для сбалансированного развития общества является также закрытость определенных сетей вследствие высокой социальной дифференциации, ведущая к сегментации социального капитала. Следствием может стать распространение рентоориентированного поведения, которое продуцируется

закрытыми олигархическими группами в странах, обладающих природными ресурсами (к их числу относится и Россия) (с. 56). Другая опасность сегментации социального капитала/ресурса связана с нечестной конкуренцией, которая отнюдь не способствует победе действительно достойных и в итоге становится тормозом экономического роста. В связи с этим, рассуждая о подходах к определению путей формирования социального капитала, автор разграничивает «зоны ответственности». Весьма велика эта зона для государства, задачей которого должно стать улучшение инфраструктуры формирования социального капитала: преодоление сегментации, социальной изоляции, выравнивание возможностей групп.

После деструктивных социальных процессов 1990-х проблематика человеческого потенциала, включая анализ направлений и механизмов его развития, стала особенно актуальной. По мнению автора, необходима серьезная работа по восполнению провалов социально-экономической политики, которые привели к истощению человеческого потенциала. Речь идет о неоправданном расширении поля рыночных отношений, игнорировании инвестиционного подхода к развитию человека, примитивизации занятости. Для исправления ситуации необходим отказ от традиционного сведения социальной политики к социальной защите, точечным образом исправляющей особо явные «слабые места», или отдельным несистемным мерам правительства⁵. Требуется выработка и реализация комплексного, системного стратегического подхода, строящегося на новых принципах и приоритетах социально-экономического развития, сбалансированном сочетании рыночных и нерыночных механизмов.

Вот беглый обзор этих принципов и приоритетов. Социальная политика, утверждает автор, должна формироваться как экономическая политика, учитывающая социальные последствия (с. 143). В целях восполнения провалов рынка и роста аллокационной эффективности в развитии социальных отраслей требуется корректирующее вмешательство государства в действие рыночных механизмов. Важная часть такой политики — рост потребностей, и автор подчеркивает их роль в экономике как «импульсов, побуждающих к качественному развитию» (пока потребности примитивны, примитивно и производство — с. 152). Кроме того, необходимо преодолеть сегментирование социального ресурса и выйти на такой средний уровень благосостояния, который послужил бы базой развития человеческого потенциала.

⁵ В качестве примера приводятся национальные проекты. Следует отметить шаги к исправлению этой ситуации: в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации выделен раздел, посвященный развитию человеческого потенциала, понимаемому весьма широко.

Социализация общеэкономической политики должна получить выражение в сфере занятости, оплаты труда, налогообложения, инновационной активности (с. 155), что будет шагами к восстановлению доверия населения к государству. Для выработки такой политики необходимо взаимодействие широкого круга субъектов социальной политики, включающего, помимо государства, гражданское общество и бизнес. Наконец, автор останавливает особое внимание на нематериальном инвестиционном комплексе, составными элементами которого являются образование и наука, — сферы, стратегическую приоритетность которых в развитии страны вряд ли кто-нибудь будет оспаривать.

Надежды на эффективность новой социальной политики, способной действительно вывести страну на новый уровень развития, связаны с тем, насколько целостной и комплексной будет эта политика, насколько широко будут учитываться все аспекты воспроизводства человеческого потенциала. И книга И. Соболевой предоставляет хорошую базу для обоснования такой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2004. На пути к обществу, основанному на знаниях / Под общ. ред. С.Н. Бобылева. М.: Весь мир, 2004.
2. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3.
3. Иванов Н. Человеческий капитал и глобализация // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 9. С. 20.
4. Крутий И.А., Красина О.В. Человеческий капитал: эволюция представлений // *Социологические исследования*. 2007. № 8.
5. Попова И.П. Интеллектуальный потенциал развития профессиональной структуры российского общества: к определению понятия // *Россия: тенденции и перспективы развития*. Вып. 2. М.: ИНИОН, 2007.
6. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007.
7. Стюарт Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / Пер. с англ. М.: Поколение, 2007.
8. Эдвинссон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.